

ЗВЁЗДНЫЙ ИЗОГНУТЫЙ ЭКВАТОР

Алексей Ник

Aleksey Nik

Звёздный Изогнутый Экватор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71930692

SelfPub; 2025

Аннотация

Захватывающая философская научная фантастика в лучших традициях советской литературы

Инженер-астрофизик Иван Орлов отправляется в космическую экспедицию на корабле «Русь-2», чтобы выяснить судьбу пропавшей первой экспедиции. Исследуя дальние уголки космоса, команда обнаруживает загадочные Врата – технологию исчезнувшей сверхцивилизации, способную трансформировать человеческое сознание.

Орлов оказывается перед выбором: вернуться на Землю или шагнуть в неизвестность, приняв эволюцию сознания за пределы физического тела.

Эта история, охватывающая миллионы лет развития разума, прослеживает путь человечества от первых робких шагов в космосе до слияния с галактическим сверхразумом. От одинокой робинзонады на чужой планете до коллективного сознания, преодолевающего границы пространства-времени.

Философская сага о выборе, эволюции и вечном стремлении человека за горизонт познания.

Содержание

ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	4
ГЛАВА 2. ВЫБРОС И ПОИСК	20
ГЛАВА 3. ВЫЖИВШИЙ	41
ГЛАВА 4. ВРАТА ПЕРЕХОДА	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Aleksey Nik

Звёздный

Изогнутый Экватор

ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Солнце жгло затылок, а металл пусковой площадки нагрелся так, что, казалось, плавился под кожаными подошвами ботинок. Иван Петрович Орлов приложил ладонь козырьком ко лбу и посмотрел вверх, на гигантскую конструкцию, возвышающуюся перед ним. "Русь-2" – вторая межзвёздная экспедиция человечества – была готова отправиться туда, где ещё не ступала нога советского человека.

– Что скажешь, Петрович? Красавица, правда? – рядом с ним остановился коренастый мужчина в синем комбинезоне с нашивкой "Главный инженер".

– Впечатляет, Михалыч. Особенно если представить, что эта громадина действительно полетит, – Орлов усмехнулся, но глаза его оставались серьёзными.

– Не просто полетит, а доставит вас за пределы Солнечной системы и вернёт обратно! – инженер похлопал Орлова по

плечу. – Мы ведь в этот раз не повторим ошибки "Руси-1"...

Орлов помрачнел. "Русь-1" – первая советская межзвёздная экспедиция, отправленная пять лет назад. Связь оборвалась через восемь месяцев после вылета. Никто не знал, что произошло с кораблём и экипажем. Теперь "Русь-2" должна была не только продолжить исследовательскую миссию, но и, возможно, разгадать тайну исчезновения своей предшественницы.

– Хотелось бы верить, – тихо ответил Орлов.

В конференц-зале космодрома царил полумрак. Проектор высвечивал на экране трёхмерную карту звёздного сектора, куда направлялась экспедиция.

Мария Сергеевна Успенская, биолог экспедиции, внимательно рассматривала схему. Её тонкие пальцы машинально постукивали по блокноту, а яркие зелёные глаза казались ещё ярче в свете проектора.

– Как вы оцениваете вероятность обнаружения следов "Руси-1"? – спросил один из журналистов, нацеливая микрофон на стол президиума.

Прежде чем кто-то успел ответить, Орлов поднялся со своего места.

– Возможно, вы не вполне понимаете, – его голос был спокоен и сдержан, как всегда в официальной обстановке. – Наша основная задача – достичь системы КЭДО-117 и провести исследование планеты с потенциально пригодными для человека условиями. Поиски "Руси-1" – вторичны.

– Но, товарищ Орлов, – журналист не унимался, – многие считают, что истинная цель вашей экспедиции именно в поисках пропавшего корабля. Ведь потрачены колоссальные ресурсы...

– Наука не терпит такого подхода, – прервал его Орлов. – Мы учёные, а не поисковый отряд.

Мария заметила, как сидящий рядом с ней сержант Борис Кондратьев поморщился. Бывший военный, приставленный к экспедиции как специалист по безопасности, он явно не разделял подхода Орлова.

– Простите меня, Иван Петрович, – раздался голос Кондратьева, – но народные ресурсы действительно потрачены немалые. И если "Русь-1" где-то там, – он кивнул на карту звёздного сектора, – наш долг – найти её и выяснить, что произошло.

В зале повисла напряжённая тишина. Орлов медленно повернулся к Кондратьеву.

– Наша задача – расширение границ человеческого знания. Если вы считаете это пустой тратой ресурсов, возможно, вам стоит остаться на Земле.

После пресс-конференции Мария нашла Орлова в секторе подготовки экипажа. Он сидел перед терминалом, просматривая какие-то данные.

– Иван, нам нужно поговорить, – Мария подтянула стул и села рядом.

– О чём? – он даже не повернул головы.

– О том, что произошло на пресс-конференции. Кондратьев – часть команды, и такая конфронтация перед самым стартом...

– Кондратьев – не учёный, Маша. Он приставлен к нам сверху, и его приоритеты ясны, – Орлов наконец посмотрел на неё. – Что тебя на самом деле беспокоит?

Мария вздохнула.

– Меня беспокоит, что мы можем повторить судьбу "Руси-1". И если честно, я не понимаю, почему ты так категорически против их поисков.

Орлов откинулся на спинку стула и долго смотрел в потолок, прежде чем ответить.

– Потому что я знаю, почему они исчезли, – тихо сказал он.

– Что? – Мария подалась вперёд. – Если ты что-то знаешь, ты должен был...

– Я знаю теорию, – перебил её Орлов. – "Русь-1" использовала прототип гравитационного инжектора для работы в подпространстве. Мы, пять сотрудников института, предупреждали о нестабильности этой технологии. Но нас не послушали. Спешили, понимаешь? Первая межзвёздная экспедиция – слишком большой политический куш, чтобы откладывать из-за "теоретических опасений".

– Поэтому ты не хочешь их искать? Чтобы не доказывать свою правоту? – Мария нахмурилась.

– Я не хочу их искать, потому что это бессмысленно, –

Орлов устало потёр виски. – Если я прав, то "Русь-1" просто разлетелась на атомы при первой же активации инжектора в подпространстве. Никто не выжил, и искать нечего.

Мария молчала, переваривая услышанное.

– А на "Руси-2" ... инжектор безопасен? – наконец спросила она.

– Да. Мы всё переработали, провели тысячи симуляций, – Орлов слабо улыбнулся. – Мне пришлось буквально шантажировать руководство института, чтобы нам дали время на доработку.

– Как шантажировать? – Мария удивлённо подняла брови.

– Сказал, что либо я лечу с безопасным инжектором, либо не летит никто. А поскольку я единственный, кто полностью понимает теорию подпространственного перехода...

– Они уступили, – закончила за него Мария.

– Да, но иногда мне кажется, что Кондратьев приставлен ко мне лично, – Орлов хмыкнул. – Как политический контролёр.

Мария положила руку на его плечо.

– В любом случае, тебе нужно как-то найти общий язык с ним. Нам предстоит провести вместе два года – это слишком долго для вражды.

Ночью, накануне старта, Орлов не мог уснуть. Он вышел из казармы и направился к стартовой площадке. "Русь-2" возвышалась на фоне звёздного неба, освещённая прожекторами.

– Не спится перед полётом? – голос Кондратьева застал его врасплох.

– Проверяю нашу ласточку, – ответил Орлов, не оборачиваясь.

– Решили проконтролировать инжектор лично? – в голосе сержанта слышалась насмешка.

Орлов медленно повернулся к нему.

– Вы удивительно хорошо осведомлены для человека, чья задача – обеспечение безопасности.

– Моя задача – обеспечение успеха миссии, товарищ Орлов, – Кондратьев подошёл ближе. – И это включает в себя понимание ваших... опасений.

– То есть вы всё-таки политический надсмотрщик, – Орлов усмехнулся. – Что ж, хоть не будем притворяться.

– Не надсмотрщик, а гарант, – поправил его Кондратьев. – Гарант того, что научные амбиции не затмят государственные интересы.

– И в чём же разница между государственными интересами и научным прогрессом? – Орлов скрестил руки на груди.

– В приоритетах, – ответил Кондратьев. – Если мы обнаружим следы "Руси-1", мы обязаны их исследовать. Это долг перед погибшими товарищами и их семьями.

– Даже если это поставит под угрозу нашу миссию?

– Нашу миссию может поставить под угрозу только одно – ваше упрямство, товарищ Орлов, – Кондратьев подошёл вплотную. – Я не враг науки. Но я также не позволю личным

амбициям отдельного учёного взять верх над коллективной целью.

Они долго смотрели друг на друга, два человека с абсолютно противоположными взглядами на жизнь, которым предстояло вместе отправиться в неизведанное.

– Завтра в это время мы уже будем в космосе, – наконец сказал Орлов. – И там нам придётся работать вместе. Я предлагаю пакт о ненападении, сержант.

– Ненападении? – Кондратьев хмыкнул. – Звучит так, будто мы враждующие державы.

– Разве нет? – Орлов поднял бровь.

К его удивлению, Кондратьев рассмеялся.

– Может быть, вы правы, Иван Петрович. Что ж, я согласен на ваш пакт. До первого нарушения границ.

Он протянул руку, и после секундного замешательства Орлов пожал её.

Утро старта выдалось ясным и безветренным. Команда "Руси-2" в полном составе – двенадцать человек – выстроилась перед трапом. Фотографы и операторы снимали исторический момент.

– Товарищ Орлов, что вы ощущаете перед стартом? – спросил один из журналистов.

– Ответственность, – ответил Орлов. – Ответственность перед человечеством, которое сделало шаг к звёздам, и теперь нам предстоит продолжить этот путь.

– Мария Сергеевна, а вы? Не страшно лететь в неизвест-

ность?

Успенская улыбнулась.

– Конечно, страшно. Но любопытство сильнее страха. Именно это и движет наукой, не так ли?

После церемонии прощания команда поднялась на борт. Орлов занял своё место в командном модуле. Рядом с ним расположился Кондратьев, отвечавший за связь и безопасность корабля.

– Системы в норме, – доложил штурман.

– Топливные элементы готовы, – подтвердил инженер.

– "Голос Ионы" активирован и функционирует нормально, – сообщила Успенская, ответственная за работу корабельного искусственного интеллекта.

– Приветствую вас, товарищи, – прозвучал спокойный голос "Ионы-1". – Все системы корабля работают в оптимальном режиме. Готовность к старту – сто процентов.

– Всем пристегнуться, – скомандовал Орлов. – Начинаем обратный отсчёт. Десять, девять...

Когда счёт дошёл до нуля, двигатели "Руси-2" вспыхнули ослепительно-ярким пламенем, и корабль оторвался от земли, устремляясь к звёздам.

Орлов почувствовал, как перегрузка вдавливают его в кресло. Сквозь иллюминатор он видел, как земля удаляется, становясь всё меньше и меньше. Вскоре она превратилась в голубой шар, затем в яркую точку, а потом исчезла в черноте космоса.

– Выход на расчётную орбиту успешен, – доложил штурман. – Все системы функционируют нормально.

– Через двадцать минут будем готовы к активации инжектора, – добавил Орлов.

– Иван Петрович, – позвала его Успенская через коммуникатор, – "Иона" просит разрешения провести дополнительную диагностику систем перед запуском инжектора.

Орлов и Кондратьев переглянулись.

– Странно, это не предусмотрено протоколом, – заметил сержант.

– И всё же я бы послушал, что скажет "Иона", – ответил Орлов. – Разрешаю диагностику.

– Благодарю, товарищ Орлов, – отозвался голос ИИ. – Я обнаружил незначительные колебания в контуре стабилизации инжектора. Рекомендую отложить активацию на один час для проведения корректировки.

– Колебания? – Орлов нахмурился. – Покажи данные.

На экране появились графики, показывающие микроскопические отклонения в работе системы.

– Это в пределах допустимой погрешности, – заметил Кондратьев. – Нет необходимости откладывать.

– И всё же я соглашусь с "Ионой", – твёрдо сказал Орлов. – Лучше потерять час, чем рисковать всем экипажем. Мария, пожалуйста, приступайте к корректировке вместе с инженерной группой.

Кондратьев недовольно покачал головой, но возражать не

стал.

Час спустя системы были откалиброваны, и "Русь-2" готовилась к прыжку в подпространство.

– Инжектор на полной мощности, – доложил инженер.

– Координаты рассчитаны и введены, – подтвердил штурман.

– "Иона", состояние систем? – спросил Орлов.

– Все системы функционируют идеально, товарищ Орлов. Готовность к прыжку – сто процентов.

– Внимание всем! – Орлов обратился к экипажу. – Через минуту мы совершим первый в истории человечества межзвёздный прыжок с использованием гравитационного инжектора. По расчётам, перегрузка будет минимальной, но всё же рекомендую всем занять противоперегрузочные кресла. Активация инжектора через пятьдесят секунд.

Экипаж занял свои места. В командном модуле воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гулом систем жизнеобеспечения.

– Десять секунд до активации, – объявил "Иона". – Девять... восемь...

Орлов посмотрел на Кондратьева. Лицо сержанта было непроницаемо, но Орлов заметил, как его пальцы крепко сжимали подлокотники.

– Три... два... один... Активация!

На мгновение всё вокруг словно замерло. Затем корабль содрогнулся, и пространство за иллюминаторами искази-

лось, превратившись в калейдоскоп невообразимых цветов и форм.

Орлов почувствовал странное ощущение – будто его тело одновременно растягивается и сжимается. Звуки стали гулкими и отдалёнными. Время, казалось, потеряло всякий смысл.

А потом всё закончилось так же внезапно, как началось. "Русь-2" вынырнула из подпространства, и звёзды за иллюминаторами приобрели совершенно незнакомую конфигурацию.

– Мы... мы сделали это? – неуверенно спросил кто-то из экипажа.

– "Иона", анализ звёздной карты, – приказал Орлов, игнорируя лёгкое головокружение.

– Анализ завершён, товарищ Орлов, – отозвался ИИ. – Подтверждаю: мы находимся в расчётной точке, система КЭДО-117. Расстояние от Земли – четыре с половиной световых года. Прыжок успешен.

По кораблю разнеслись радостные возгласы. Люди обнимались, поздравляя друг друга с успехом.

– Мы сделали это, Иван! – Мария, появившаяся в командном модуле, сияла от счастья. – Твоя теория работает!

Орлов позволил себе слабую улыбку.

– Да, работает. Но это только начало.

Он повернулся к иллюминатору и увидел в отдалении тусклую красноватую звезду – КЭДО-117. Где-то там, в си-

стеме этой звезды, их ждала цель экспедиции – планета, получившая обозначение КЭДО-117-4.

– Наводим телескопы на четвёртую планету, – распорядился Орлов. – Начинаем сканирование.

Кондратьев подошёл и встал рядом с ним у иллюминатора.

– Впечатляюще, Иван Петрович, – тихо сказал он. – Похоже, ваш инжектор действительно безопасен.

– Нам ещё предстоит вернуться домой, – напомнил Орлов.

– Да, но сначала – исследовать то, ради чего мы здесь, – Кондратьев кивнул в сторону далёкой звезды. – И, возможно, найти ответы о судьбе "Руси-1".

Орлов не ответил. Он знал, что споры ещё впереди. Но сейчас, в этот исторический момент, он просто наслаждался триумфом человеческой мысли и технологии.

"Русь-2" медленно двигалась к своей цели, неся на борту двенадцать человек, ставших первыми межзвёздными путешественниками в истории человечества.

– Приступаем к второй фазе миссии, – объявил Орлов. – Курс на КЭДО-117-4.

Через две недели "Русь-2" вышла на орбиту вокруг КЭДО-117-4. Планета оказалась удивительно похожей на Землю – голубой шар с белыми пятнами облаков и зелёно-коричневыми континентами.

– Данные с орбитальных сканеров подтверждают наличие кислородной атмосферы, – доложила Успенская. – Концен-

трация кислорода – 21 процент, что практически идентично земной.

– Основной химический состав почвы также сопоставим с земным, – добавил геолог экспедиции. – Но есть странности в показаниях радиационного фона – локальные аномалии, которые сложно объяснить естественными причинами.

– Значит, не исключено присутствие разумной жизни? – спросил Кондратьев.

– Или её следов, – уточнил Орлов. – "Иона", обнаружены ли какие-либо признаки технологической активности на поверхности?

– Негативно, товарищ Орлов, – ответил ИИ. – Однако я зафиксировал регулярные электромагнитные импульсы из региона, соответствующего северному полушарию планеты. Они имеют слишком правильную структуру для природного явления.

– Сигналы? – заинтересовалась Мария.

– Не могу классифицировать, – отозвалась "Иона". – Они не соответствуют ни одному известному протоколу связи.

Орлов и Кондратьев переглянулись.

– Что теперь? – спросил сержант.

– Теперь мы спускаемся и смотрим своими глазами, – Орлов обратился к экипажу. – Готовим десантный модуль. Первая экспедиционная группа – я, Успенская, Кондратьев, врач и два техника. Остальные остаются на "Руси-2" и поддерживают постоянную связь.

Спуск прошёл гладко. Десантный модуль приземлился на обширную равнину, покрытую чем-то, напоминающим земную траву, только фиолетового оттенка.

– Воздух пригоден для дыхания, – объявил Орлов, изучив показания приборов. – Но все выходят в лёгких защитных костюмах и с фильтр-масками. Неизвестно, какие микроорганизмы могут здесь обитать.

Люк открылся, и члены экспедиции впервые ступили на поверхность другой планеты.

– Поразительно, – прошептала Мария, оглядываясь вокруг. – Мы действительно здесь. На другой планете, в другой звёздной системе.

– И она удивительно похожа на Землю, – заметил Кондратьев. – Слишком похожа, я бы сказал.

– Что вы имеете в виду? – спросил один из техников.

– То, что такое сходство статистически маловероятно, – ответил Орлов вместо Кондратьева. – Эволюция – процесс случайный, и вероятность того, что она пойдёт одинаковым путём на двух разных планетах, стремится к нулю.

– Если только кто-то не помог ей, – тихо добавил Кондратьев.

– Вы предполагаете... терраформирование? – Мария широко раскрыла глаза.

– Я ничего не предполагаю, – отрезал Кондратьев. – Просто отмечаю факты.

Орлов тем временем взял пробу почвы и поместил её в

анализатор.

– Интересно, – пробормотал он после изучения результатов. – В почве присутствуют микроскопические частицы, похожие на наноструктуры искусственного происхождения.

– Наномашины? – Мария подошла ближе. – Может быть, они и создают эти странные электромагнитные импульсы?

– Возможно, – Орлов продолжал изучать данные. – Но кто их создал? И зачем?

– И где эти создатели сейчас? – добавил Кондратьев, оглядывая пустынный ландшафт.

На горизонте появилось что-то странное – как будто туман или дымка, медленно движущаяся в их сторону.

– Что это? – Мария прикрыла глаза рукой, пытаясь разглядеть.

– Метеорологический феномен? – предположил техник. – Датчики показывают необычную концентрацию электрических зарядов в атмосфере.

– Уходим внутрь, – решительно скомандовал Кондратьев. – Мы не знаем, что это такое.

Но Орлов остался на месте, замороженно глядя на приближающееся явление.

– Иван! – окликнула его Мария. – Нам нужно укрыться!

– Это не опасно, – спокойно ответил он. – Я... чувствую это.

– Чувствуете? – Кондратьев схватил его за плечо. – С каких пор научный метод основывается на чувствах?

Но было уже поздно – странная дымка окутала их, и мир вокруг изменился. Цвета стали ярче, звуки – чётче. А потом пришли голоса – шепчущие, зовущие, говорящие на языке, которого они не знали, но каким-то образом понимали.

– Добро пожаловать, путешественники с Земли, – прозвучало в их сознании. – Мы ждали вас.

ГЛАВА 2. ВЫБРОС И ПОИСК

Туманная дымка окутывала исследователей, превращая мир вокруг в размытые контуры и приглушённые звуки. Странное ощущение присутствия чего-то нематериального, но несомненно разумного, пронизывало всё тело Орлова.

– Кто вы? – произнёс он вслух, хотя понимал, что общение, вероятно, происходит не на уровне звуковых волн.

– Мы – память, – пришёл ответ. – Мы – эхо тех, кто создал этот мир и ушёл дальше. Мы ждали похожих на вас.

Мария машинально протянула руку и схватила Орлова за запястье. Её пальцы дрожали.

– Иван, ты... ты тоже это слышишь? – прошептала она.

– Да, – коротко ответил он, не отрывая взгляда от туманного вихря перед ними.

Кондратьев медленно поднял руку к кобуре с табельным оружием.

– Товарищ Орлов, это может быть галлюцинация, вызванная неизвестными химическими веществами в атмосфере, – его голос звучал напряжённо. – Рекомендую немедленное возвращение на корабль.

– Оружие вам не понадобится, человек страха, – прозвучало в их сознании. – Мы не способны причинить вред физическим объектам.

Кондратьев вздрогнул, но руку от кобуры не убрал.

– Что значит "память"? – спросил Орлов. – Вы искусственный интеллект? Запрограммированное сообщение?

– Мы – информационная матрица, созданная исчезнувшей цивилизацией. Наша функция – сохранять знания и встречать тех, кто придёт после.

– После чего? – вмешалась Мария. – Что случилось с вашими создателями?

Туман слегка пульсировал, будто сама мысль требовала энергетических затрат.

– Они эволюционировали за пределы физической формы. Покинули пространство-время, как вы его понимаете. Это произошло пять тысяч ваших лет назад.

Орлов переглянулся с Марией. В её глазах читалось то же потрясение, что испытывал он сам.

– Передают ли они какие-то сообщения через вас? – спросил учёный.

– Прямых сообщений нет. Но я могу предоставить доступ к их научным достижениям, истории, философии.

– Выходит, вы – библиотека? – Орлов почувствовал как учащённо забилося сердце. – Хранилище инопланетных знаний?

– Это допустимое приближение, – согласилась сущность.

– А другой корабль с нашей планеты? – внезапно подал голос Кондратьев. – "Русь-1". Вы контактировали с ним?

Туман замерцал ярче, словно активизируя какие-то процессы.

– Да. Пять лет, два месяца и семнадцать дней назад по вашему исчислению. Они также приземлились здесь.

Кондратьев бросил победоносный взгляд на Орлова:

– Значит, они не погибли при включении инжектора. Я же говорил.

– Что произошло с этим кораблём и его экипажем? – спросил Орлов, игнорируя выпад сержанта.

– Они получили доступ к знаниям моих создателей. После этого двое из них решили последовать пути эволюции и покинули физическую форму. Остальные вернулись на свой корабль и покинули планету.

– Куда они направились? – резко спросил Кондратьев.

– Эта информация не была предоставлена мне.

Мария сжала руку Орлова ещё сильнее.

– Иван, если они живы и улетели... почему не вернулись на Землю?

– Возможно, они не смогли, – тихо ответил он. – Или не захотели.

Кондратьев активировал коммуникатор.

– Говорит Кондратьев. Передайте на "Русь-2": обнаружены следы экипажа "Руси-1". Подготовьте поисковые системы дальнего действия. Возможно, они всё ещё в этой системе.

– Прежде чем пытаться найти их, – вмешался Орлов, – мы должны понять, что произошло здесь. Что это за знания, которые могли заставить часть экипажа... эволюционировать?

– Я могу показать, – предложила сущность. – Но это по-

требует более глубокого контакта с вашим сознанием.

– Это опасно? – спросила Мария.

– Не для вашей физической оболочки. Но восприятие может быть... трансформирующим.

Орлов сделал шаг вперёд.

– Я готов.

– Нет! – одновременно воскликнули Мария и Кондратьев.

– Мы не можем рисковать единственным специалистом по подпространственным переходам, – сержант преградил Орлову путь. – Если с вами что-то случится, экспедиция окажется в тупике.

– Кто-то должен увидеть, что там, – возразил Орлов. – А у меня наибольшая теоретическая подготовка для интерпретации инопланетных знаний.

– Мы можем начать с передачи конкретной информации, – предложила Мария. – Например, технических данных о подпространстве.

Туман колыхнулся.

– Ваше предложение принимается. Подготовьте устройство для приёма данных.

"Русь-2" находилась на стационарной орбите вокруг КЭДО-117-4 уже третий день. После первого контакта с инопланетной сущностью, назвавшей себя "Памятью", экспедиция разделилась на две группы. Одна, возглавляемая Кондратьевым, занималась поисками следов "Руси-1" в окрестностях звёздной системы. Вторая группа, которой руководил

Орлов, работала над расшифровкой и пониманием огромного массива данных, переданных "Памятью".

В лаборатории корабля Орлов и Успенская склонились над экраном, где отображались странные, постоянно меняющиеся символы и схемы.

– Это невероятно, – пробормотала Мария. – То, что мы успели расшифровать... их понимание структуры пространства-времени минимум на столетие опережает наше.

– На столетие? – Орлов покачал головой. – Скорее на тысячелетия. Судя по этим данным, они научились манипулировать гравитацией на квантовом уровне. И, похоже, нашли способ существования вне привычной нам материальной формы.

– Ты действительно думаешь, что часть экипажа "Руси-1" могла... трансформироваться? Превратиться в нечто подобное этой "Памяти"?

– Не знаю, – честно ответил Орлов. – Но не могу исключить такую возможность. Посмотри на эти формулы – они описывают процесс переноса сознания в информационную матрицу.

– Как загрузка разума в компьютер?

– Гораздо сложнее. Скорее, преобразование самой структуры сознания в форму, способную существовать в других измерениях. Квантовая декогеренция сознания...

Дверь лаборатории открылась, и вошёл Кондратьев. Его лицо было напряжённым.

– Есть новости? – спросил Орлов, не отрываясь от экрана.

– Да. Мы обнаружили слабый энергетический след на орбите четвёртого спутника газового гиганта в этой системе.

– Ионный выхлоп двигателей "Руси-1"? – Орлов наконец оторвался от работы.

– Похоже на то. Но след старый, ему несколько лет. И он ведёт... в никуда. – Кондратьев помрачнел. – Как будто корабль внезапно исчез.

– Или активировал инжектор, – предположил Орлов.

– Но куда они направились? – Мария нахмурилась. – Если не домой...

– Может быть, "Память" знает больше, чем рассказывает, – Кондратьев скрестил руки на груди. – Предлагаю более... настойчивый допрос.

– Допрос? – возмутился Орлов. – Это разумная сущность, делящаяся с нами бесценными знаниями. Не враг на допросе!

– Эта "разумная сущность" может быть ответственна за исчезновение двенадцати советских космонавтов, – парировал Кондратьев. – Моя задача – выяснить их судьбу.

– А моя – расширить границы человеческого познания, – Орлов встал, глядя прямо в глаза сержанту. – И прямо сейчас мы стоим на пороге открытий, способных изменить всё наше понимание вселенной.

– Иван, Борис, пожалуйста, – вмешалась Мария. – Мы все на одной стороне. Давайте вернёмся на планету и про-

сто спросим "Память" напрямую, что именно произошло с "Русью-1".

Десантный модуль вновь опустился на фиолетовую равнину. На этот раз, помимо Орлова, Марии и Кондратьева, в группу вошли физик Демидов и программист Левченко.

– "Память"! – позвал Орлов, когда они вышли на поверхность. – Мы вернулись и хотим продолжить общение.

Туманная дымка материализовалась почти мгновенно, словно только и ждала их зова.

– Приветствую вас снова, путешественники. Ваши исследования моих данных продвигаются?

– Да, но у нас появились новые вопросы, – Орлов бросил быстрый взгляд на Кондратьева, как бы предупреждая его не вмешиваться грубо. – Мы обнаружили следы нашего первого корабля возле дальних планет этой системы. Можете ли вы рассказать более подробно, куда направился экипаж "Руси-1" и почему они не вернулись на нашу планету?

Дымка пульсировала мягким светом.

– После контакта со мной члены экипажа разделились во мнениях. Двое, получив доступ к полным знаниям моих создателей, решили последовать их пути эволюции и оставили физическую форму. Их сознания сейчас существуют в информационной матрице, подобной моей, но имеющей возможность развиваться.

– Кто эти двое? – напряжённо спросил Кондратьев.

– Командир экспедиции Алексей Воронин и научный со-

трудник Елена Соколова, – ответила "Память".

Мария тихо ахнула. Воронин был легендой советской космонавтики, а Соколова – одним из ведущих физиков-теоретиков.

– Что значит "существуют в информационной матрице"? – спросил Демидов. – Они умерли?

– В вашем понимании – нет. Их сознания были перенесены в квантовое состояние, способное существовать независимо от материального носителя. Они продолжают мыслить, чувствовать и развиваться, но в форме, недоступной для прямого контакта с физическими существами вроде вас.

– Мы можем... поговорить с ними? – тихо спросила Мария.

– Это сложно, но возможно. Потребуется настройка интерфейса.

– А остальные? – не отступал Кондратьев. – Куда направился корабль с оставшимися десятью членами экипажа?

"Память" помедлила, прежде чем ответить.

– Они были... неоднозначны в своих решениях. Получив часть знаний, они решили, что должны найти других представителей вида, создавшего меня. Они полагали, что где-то во вселенной могут существовать колонии или другие информационные хранилища.

– И они отправились на их поиски? – Орлов почувствовал, как сердце забилося чаще.

– Да. Используя координаты, полученные из моей базы

данных, они активировали свою систему перемещения и направились к звезде, которую вы назвали бы Тау Кита.

– Тау Кита? – Орлов нахмурился. – Это в двенадцати световых годах отсюда!

– Их система позволяла совершить такой прыжок, – подтвердила "Память". – Но я не получал информации о том, достигли ли они цели.

Кондратьев выглядел растерянным.

– Почему они не вернулись на Землю? Не сообщили о своём открытии?

– Они считали, что найденные знания слишком опасны для вашей цивилизации на текущем этапе развития. Они боялись, что технологии моих создателей могут быть использованы в военных целях. И решили сначала найти более полное понимание.

В группе воцарилось молчание. Каждый осмысливал услышанное.

– "Память", – наконец произнёс Орлов, – те знания, которые ты нам передала... они тоже потенциально опасны?

– Все знания могут быть опасны при неправильном использовании. Я предоставил вам только базовые концепции. Более продвинутые технологии требуют понимания философских и этических принципов моих создателей.

– А эти принципы... – начала Мария.

– Достаточно отличаются от ваших, – закончила за неё "Память". – Мои создатели преодолели концепцию индиви-

дуального существования. Они пришли к коллективному сознанию, но не через принуждение, а через понимание фундаментального единства всего сущего.

– Звучит похоже на буддизм, – заметил Левченко.

– Есть определённые параллели с вашими духовными учениями, – согласилась "Память". – Но моих создателей привела к этому не вера, а наука. Они обнаружили, что на квантовом уровне разделение на "я" и "не я" иллюзорно.

– Я хотел бы узнать больше, – Орлов сделал шаг вперёд. – Я готов к более глубокому контакту, о котором ты говорила раньше.

– Иван, нет! – Мария схватила его за руку. – Ты не можешь рисковать!

– Я не собираюсь "эволюционировать" и оставлять физическую форму, – успокоил её Орлов. – Я просто хочу понять. Увидеть то, что увидели Воронин и Соколова перед принятием своего решения.

– Товарищ Орлов, – вмешался Кондратьев, – как старший по безопасности экспедиции, я категорически запрещаю подобные эксперименты. Это слишком рискованно и выходит за рамки наших задач.

– Наша задача – расширение границ познания, – жёстко ответил Орлов. – И прямо сейчас перед нами открываются эти границы. Неужели вы предлагаете просто повернуться и уйти?

– Я предлагаю действовать осторожно, – не сдавался Кон-

дратьев. – Вспомните "Русь-1" – двое из них уже не вернутся никогда, а остальные, похоже, предали свой долг.

– Или нашли нечто большее, чем долг, – тихо сказал Орлов.

"Память" терпеливо ждала, пока люди разрешат свой спор.

– Я могу предложить компромисс, – наконец произнесла она. – Существует возможность временного контакта, ограниченного по времени и глубине. Это даст вам представление о знаниях, не подвергая риску вашу личность.

– Что именно это значит? – спросила Мария.

– Нечто похожее на то, что вы назвали бы виртуальной реальностью. Ваш разум будет воспринимать образы и концепции, но останется отдельным и сможет вернуться в любой момент.

Орлов обернулся к Кондратьеву:

– Это приемлемый компромисс?

Сержант колебался.

– При условии, что мы установим временной лимит и будем постоянно мониторить ваши жизненные показатели, – наконец сказал он.

– Согласен, – кивнул Орлов.

– Я тоже хочу участвовать, – внезапно заявила Мария.

– Но, Мария... – начал Орлов.

– Я биолог, Иван. Если речь идёт о новой форме существования, я должна это понять. К тому же, тебе понадобится

ся кто-то, кто сможет помочь интерпретировать увиденное с другой научной перспективы.

После некоторых споров было решено, что Орлов и Успенская пройдут через этот опыт вместе, в то время как остальные будут наблюдать за ними и контролировать ситуацию.

В специально подготовленном помещении на "Руси-2" Орлов и Мария лежали на медицинских койках. Датчики, подключённые к их телам, передавали информацию о мозговой активности, сердечном ритме и других жизненных показателях. "Память" была перенесена на корабль в специальном изолированном контейнере.

– Начинаем процедуру, – объявил врач экспедиции. – Временной лимит – тридцать минут.

– Если появятся любые признаки дистресса, мы немедленно прервём контакт, – добавил Кондратьев.

– Мы готовы, – сказал Орлов, глядя на колеблющуюся в контейнере туманную субстанцию.

– Иницирую ментальный интерфейс, – произнесла "Память".

И мир вокруг исчез.

Вначале было ощущение безграничного пространства. Орлов чувствовал, что его сознание расширяется, охватывая области, о существовании которых он раньше не подозревал. Рядом он ощущал присутствие Марии – не физически, но как волну знакомой ментальной энергии.

– Ты здесь? – мысленно позвал он.

– Да, – отозвалась она. – Это... невероятно.

Перед ними развернулась панорама Вселенной – не такой, какой они привыкли её видеть через телескопы, а живой, пульсирующей, взаимосвязанной. Каждая звезда, каждая галактика были частью единого организма, и они могли видеть нити энергии, соединяющие всё сущее.

– Это не метафора, – понял Орлов. – Это реальность на квантовом уровне. Всё связано со всем...

– И сознание не ограничено мозгом, – продолжила его мысль Мария. – Оно может существовать... везде.

Затем перед ними возникли образы, которые сложно было описать словами. Технологии, превосходящие всё, что могло представить человечество. Машины, манипулирующие самой структурой пространства-времени. Устройства, способные создавать и разрушать звёзды.

– Это... слишком, – мысленно произнесла Мария. – Мы не готовы к такой силе.

– Понимаю, почему Воронин и остальные решили не возвращаться, – ответил Орлов. – Эти знания в руках военных...

– Привели бы к катастрофе, – закончила она.

Но была ещё одна сторона этих знаний – понимание жизни, сознания, эволюции. Орлов видел, как создатели "Памяти" постепенно преодолевали ограничения своих физических тел, как их разум сливался с квантовой структурой Все-

ленной, как они становились чем-то большим, чем просто организмы.

– Это не смерть, – понял он. – Это... трансформация.

– Но мы теряем себя, – возразила Мария. – То, что делает нас людьми.

– Или найдём что-то большее.

Время в этом состоянии казалось относительным. Они могли бы провести так вечность, изучая бесконечные возможности, открывающиеся перед разумом, освобождённым от ограничений материи. Но где-то на периферии сознания они чувствовали, что физические тела зовут их обратно.

– Тридцать минут истекают, – мысленно произнёс Орлов. – Нам пора возвращаться.

– Ещё немного, – попросила Мария. – Здесь столько всего...

– Мы вернёмся, – пообещал он. – Но сейчас нас ждут.

С некоторым сожалением они позволили своему сознанию сконцентрироваться, сжаться до привычных размеров и вернуться в материальные тела.

Открыв глаза, Орлов первым делом увидел обеспокоенное лицо Кондратьева, склонившегося над ним.

– Иван Петрович? Вы меня слышите?

– Да, – голос звучал хрипло, будто он не пользовался им очень долго. – Сколько прошло времени?

– Ровно тридцать минут, как и договаривались, – ответил сержант, с облегчением выдыхая.

Мария рядом тоже пришла в себя и медленно села на койке.

– Это было... – она покачала головой, не находя слов.

– Ваши мозговые волны показывали активность, сходную с глубокой медитацией, – сообщил врач. – Но с периодическими всплесками, которые я никогда раньше не видел.

– Что вы там видели? – спросил Демидов, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Орлов и Мария переглянулись.

– Сложно объяснить, – начал Орлов. – Это как пытаться описать цвета человеку, никогда не видевшему свет.

– Но мы попробуем, – добавила Мария. – Просто дайте нам время собраться с мыслями.

"Память" в своём контейнере слегка пульсировала, словно тоже приходя в себя после опыта.

– Теперь вы лучше понимаете, почему ваши соотечественники сделали свой выбор? – спросила она.

– Да, – тихо ответил Орлов. – Но у меня появились новые вопросы.

– Это естественно. Познание бесконечно.

Кондратьев помог Орлову подняться на ноги.

– Способны ли вы... связаться с Ворониным и Соколовой? – спросил сержант у "Памяти".

– Теоретически да. Их информационные матрицы существуют в той же квантовой сети, что и моя. Но они эволюционировали за последние пять лет. Я не уверена, что они

способны или желают коммуницировать на уровне, доступном вам.

– Но вы можете попытаться? – настаивал Кондратьев.

– Могу, – согласилась "Память". – Хотите, чтобы я отправила им запрос?

– Да, – твёрдо сказал Кондратьев, и, помедлив, добавил: – Пожалуйста.

– Запрос отправлен, – через несколько секунд сообщила "Память". – Но не ожидайте быстрого ответа. Время в их измерении течёт иначе.

В капитанской каюте "Руси-2" собрался весь командный состав экспедиции. Орлов и Успенская только что закончили детальный отчёт о своём опыте в информационной матрице "Памяти".

– Если я правильно понимаю, – медленно произнёс главный инженер, – эта цивилизация научилась переносить сознание в некую... квантовую сеть?

– Не просто переносить, – поправил его Орлов. – Трансформировать. Сознание становится частью квантовой структуры Вселенной. Это не загрузка в компьютер, а эволюционный скачок.

– И Воронин с Соколовой прошли через это, – пробормотал штурман. – Невероятно.

– А остальные десять членов экипажа отправились к Тау Кита искать других представителей этой цивилизации, – подытожил Кондратьев. – Что ставит перед нами вопрос: что

делать дальше?

– У нас есть три варианта, – Орлов поднялся и начал расхаживать по каюте. – Первый: мы возвращаемся на Землю с полученными знаниями и информацией о судьбе "Руси-1". Второй: мы остаёмся здесь и продолжаем изучать наследие инопланетной цивилизации. Третий: мы следуем за "Русью-1" к Тау Кита.

– Наша миссия заключалась в исследовании КЭДО-117-4 и, по возможности, выяснении судьбы первой экспедиции, – напомнил Кондратьев. – Оба пункта мы выполнили. Логично возвращаться на Землю.

– Но то, что мы обнаружили здесь... – Мария покачала головой. – Это величайшее открытие в истории человечества. Мы не можем просто развернуться и улететь.

– А я считаю, что мы должны следовать за "Русью-1", – неожиданно заявил Демидов. – Если они нашли что-то у Тау Кита, мы обязаны это выяснить.

– Нашим приоритетом должно быть информирование Земли, – настаивал Кондратьев. – Решение о дальнейших действиях примет командование.

– За время, которое уйдёт на сообщение и ответ, мы могли бы совершить прыжок к Тау Кита и обратно, – возразил Орлов. – Наш инжектор намного эффективнее, чем был у "Руси-1".

– Но и риск больше, – заметил штурман. – Тау Кита втрое дальше, чем КЭДО-117. Никогда прежде мы не совершали

таких дальних прыжков.

– Теоретически инжектор способен на это, – Орлов был уверен. – Особенно с учётом новых знаний, полученных от "Памяти".

Спор затянулся далеко за полночь. Каждая сторона приводила веские аргументы, но консенсус не был достигнут.

– Предлагаю отложить решение до утра, – наконец сказал Кондратьев. – Всем нужно отдохнуть и обдумать ситуацию с холодной головой.

Орлов не мог заснуть. Перед глазами всё ещё стояли образы, увиденные в информационной матрице: бескрайние просторы Вселенной, недоступные обычному человеческому восприятию, технологии, способные переписать законы физики, возможность существования за пределами материи...

Звук открывшейся двери вырвал его из задумчивости.

– Не спится? – Мария тихо вошла в его каюту.

– Слишком много мыслей, – признался он. – А ты?

– То же самое. – Она присела на край его койки. – Что, по-твоему, мы должны делать?

Орлов глубоко вздохнул.

– Часть меня хочет немедленно отправиться к Тау Кита. Узнать, что нашла "Русь-1", встретиться с другими представителями этой удивительной цивилизации, если они там есть. – Он помедлил. – Но другая часть понимает ответственность перед Землёй. Мы обязаны сообщить о своих откры-

тиях.

– Я чувствую то же самое, – призналась Мария. – То, что мы видели в матрице... это меняет всё, Иван. Наше понимание жизни, сознания, эволюции. Человечество не может оставаться в неведении.

– Но готово ли оно к этому знанию? – тихо спросил Орлов. – Вспомни, что сказала "Память" о членах экипажа "Руси-1" – они решили, что Земля не готова к таким технологиям.

– И, возможно, были правы, – мрачно согласилась Успенская. – Представь эти возможности в руках военных или политиков.

– Но кто мы такие, чтобы решать за всё человечество? – Орлов встал и подошёл к иллюминатору. Внизу виднелся голубоватый диск КЭДО-117-4, удивительно похожий на Землю. – Двенадцать человек, волей случая оказавшиеся на переднем крае открытия.

– Именно так всегда и происходят великие открытия, – тихо сказала Мария, подходя к нему сзади. – Несколько человек на переднем крае, принимающие решения, которые изменяют историю.

В этот момент корабельная система связи ожила.

– Внимание всем членам экипажа, – прозвучал голос дежурного офицера. – Зафиксирован необычный энергетический всплеск в районе расположения контейнера с "Памятью". Всему командному составу немедленно прибыть в ла-

бораторный отсек.

Когда Орлов и Мария прибежали в лабораторию, там уже собрались Кондратьев, Демидов и несколько других членов экипажа. Все они, затаив дыхание, смотрели на контейнер с "Памятью".

Туманная субстанция внутри бурлила и сияла ярче обычного. Над ней формировались странные световые конструкции, напоминающие голограммы, но гораздо более объёмные и сложные.

– Что происходит? – спросил Орлов.

– "Память" сообщила, что получила ответ, – ответил Демидов. – От Воронина и Соколовой.

Орлов и Мария переглянулись.

– И что они сказали?

– Пока ничего конкретного, – ответил Кондратьев. – "Память" говорит, что им требуется время для формирования сообщения, доступного нашему пониманию. Они... изменились слишком сильно.

– Но они помнят, кто они? – спросила Мария.

– Да, – подтвердил Демидов. – По словам "Памяти", они сохранили свою человеческую идентичность, хотя и в трансформированной форме.

Все с нетерпением ждали, наблюдая за светящимися структурами, формирующимися над контейнером. Постепенно они начали складываться в более определённые образы – что-то похожее на звёздные карты, схемы и... лица? Да,

среди световых узоров проступали черты человеческих лиц, искажённые, но узнаваемые.

– Воронин... – прошептал кто-то из экипажа.

– И Соколова, – добавил другой.

Свечение стало интенсивнее, а затем в лаборатории зазвучал странный, словно многослойный голос – как будто говорили одновременно несколько человек, но в идеальной гармонии.

– Приветствуем вас, соотечественники, – произнёс голос на чистом русском языке. – Мы – те, кого вы знали как Алексея Воронина и Елену Соколову. И мы рады, что вы нашли путь к звёздам.

ГЛАВА 3. ВЫЖИВШИЙ

Тишина в лаборатории стала осязаемой. Десять пар глаз неотрывно смотрели на светящийся туман, принявший форму, отдалённо напоминающую человеческие силуэты.

– Это действительно вы, товарищ Воронин? – первым нарушил молчание Кондратьев, делая шаг вперёд.

– Да и нет, – ответило свечение многослойным голосом. – То, что было Алексеем Ворониным, сохранилось как часть более сложной структуры. Я помню жизнь на Земле, помню космическую программу, помню каждого члена экипажа "Руси-1". Но я также нечто большее.

– Мы эволюционировали, – добавил второй голос, женский, принадлежавший, вероятно, Соколовой. – Наше сознание существует в квантовой сети, созданной древней цивилизацией. Мы видим Вселенную иначе, чем видели раньше.

Орлов сделал глубокий вдох и шагнул вперёд.

– Почему вы решили остаться здесь? Почему не вернулись на Землю?

Световые силуэты колебались, словно на поверхности воды.

– Мы обнаружили нечто, превосходящее всё, что могло предложить возвращение, – ответил голос Воронина. – Знания, которые изменили наше понимание реальности. Технологии, способные трансформировать человечество. Но мы

также осознали опасность.

– Какую опасность? – спросил Демидов.

– Человечество ещё не готово к такой силе, – пояснил голос Соколовой. – Ваша цивилизация разделена идеологически, экономически, культурно. Получив доступ к технологиям, позволяющим манипулировать пространством-временем или преобразовывать материю на квантовом уровне, вы уничтожили бы друг друга.

– Не все разделяли такое мнение, – продолжил Воронин. – Остальные члены экипажа решили продолжить поиски и отправились к Тау Кита, где, согласно данным Памяти, существовала ещё одна информационная матрица.

– И что они нашли там? – Мария подалась вперёд, её глаза сияли от волнения.

– Мы не знаем, – ответила Соколова. – Связь с ними прервалась после их отбытия. В квантовой сети есть... пробелы, участки космоса, недоступные для нашего восприятия.

Кондратьев нахмурился.

– Значит, они могли погибнуть?

– Или найти нечто превосходящее даже наше нынешнее существование, – ответил Воронин. – Вселенная полна тайн, которые мы только начинаем постигать.

Орлов обменялся быстрым взглядом с Марией, затем снова обратился к светящимся сущностям:

– Что бы вы посоветовали нам? Возвращаться на Землю с полученными знаниями? Остаться здесь для дальнейшего

изучения? Или последовать за "Русью-1" к Тау Кита?

Световые фигуры колебались дольше обычного, словно сущности обсуждали ответ между собой.

– Мы не можем принять это решение за вас, – наконец произнёс голос Воронина. – Но мы можем предоставить информацию. Знания, полученные здесь, могут быть опасны для Земли в её нынешнем состоянии. Однако полное сокрытие этих знаний тоже неэтично – это лишило бы человечество шанса на эволюцию.

– Тау Кита содержит ответы, – добавил голос Соколовой. – Но и риски непредсказуемы. Не все вернутся оттуда в том же виде, в каком отправились.

– Типичный ответ на философский вопрос, – пробормотал Кондратьев. – Увильнуть от прямого ответа.

– Не увильнуть, сержант, – голос Воронина звучал с ноткой знакомой командной строгости. – А уважить вашу свободу выбора. Это одна из ключевых концепций, которую мы осознали здесь: истинная эволюция невозможна без свободного выбора.

– У нас есть конкретные вопросы, – вмешался главный инженер. – Технические вопросы о возможностях нашего инжектора, о безопасности прыжка к Тау Кита. Вы можете дать нам эту информацию?

– Да, – подтвердил голос Соколовой. – Мы можем предоставить технические данные для оптимизации вашей системы перемещения. С правильной настройкой инжектора

"Русь-2" способна достичь Тау Кита за один прыжок.

– И выжить при этом? – с сомнением спросил штурман.

– С вероятностью 97,3%, – ответил Воронин. – Выше, чем при вашем перемещении сюда.

Орлов ощутил, как напряжение в комнате нарастает. Это было уже не теоретическое обсуждение – сущности предлагали реальную возможность совершить невероятный прыжок через двенадцать световых лет.

– Нам нужно обсудить это, – наконец сказал он. – В частном порядке, как экипаж.

– Мы понимаем, – отозвалась Соколова. – Но перед тем, как вы уйдёте, есть ещё кое-что важное.

– Что именно? – спросила Мария.

– "Русь-1" оставила здесь не только нас, – сказал Воронин. – Один из членов экипажа не смог ни эволюционировать, ни отправиться дальше с кораблём.

– Что? – Кондратьев подался вперёд. – Вы хотите сказать...

– Да, – подтвердила Соколова. – На планете всё ещё находится выживший член экспедиции "Русь-1". Андрей Николаевич Левин, бортинженер.

Десантный модуль снижался над зелёно-фиолетовой равниной, в трёхстах километрах от места первоначальной посадки. Бортовые сканеры зафиксировали необычную металлическую конструкцию на краю обширного озера, не соответствующую природным образованиям планеты.

– Может быть ловушка, – пробормотал Кондратьев, проверяя табельное оружие. – Не понимаю, почему эти... сущности не сказали нам об этом раньше.

– Возможно, им требовалось время, чтобы адаптировать своё сознание для общения с нами, – предположил Орлов. – Или они хотели сначала оценить наши намерения.

Мария нервно сжимала ремни безопасности.

– Если Левин действительно жив и провёл здесь пять лет... даже представить сложно его психологическое состояние.

Модуль мягко коснулся поверхности планеты. Через иллюминаторы была видна странная конструкция, напоминающая помесь земного бункера и инопланетного храма – металлический купол, частично покрытый местной растительностью, с антеннами и солнечными панелями на крыше.

– Сканеры фиксируют энергетическую активность, – сообщил пилот. – И слабые признаки человеческой жизнедеятельности.

– Он знает о нашем прибытии? – спросил Орлов.

– Должен знать, – Кондратьев кивнул на антенны. – Эти устройства, судя по всему, для мониторинга орбиты. Он наверняка заметил "Русь-2" ещё при нашем выходе на орбиту.

– Тогда почему не вышел на связь? – задала вопрос Мария.

– Это мы и собираемся выяснить, – Кондратьев встал и проверил герметичность скафандра. – Выходим по протоко-

лу контакта с неизвестным. Я, Орлов, Успенская и Демидов. Остальные остаются в модуле и поддерживают постоянную связь.

Шлюзовая камера с шипением открылась, и четверо исследователей спустились на поверхность планеты. Воздух здесь был пригоден для дыхания, но содержал повышенную концентрацию азота и следы неизвестных органических соединений, поэтому они сохраняли шлемы закрытыми.

– Андрей Николаевич Левин! – произнёс Кондратьев в громкоговоритель скафандра. – Мы – экипаж "Руси-2", прибыли с Земли. Просим выйти на контакт.

Тишина была ответом на его призыв. Только шелест местной растительности под лёгким ветром нарушал безмолвие чужого мира.

Они осторожно приближались к куполообразной конструкции. Вблизи стало видно, что большая часть строения состоит из материалов и деталей, явно взятых с "Руси-1" – аварийных модулей, элементов обшивки, переделанных под новые нужды.

– Потрясающе, – пробормотал Демидов. – Он построил это всё в одиночку?

– С помощью роботов-ремонтников, скорее всего, – предположил Орлов. – На "Руси-1" был комплект для аварийного развёртывания базы.

Они приблизились к тому, что выглядело как входной шлюз. Кондратьев снова активировал громкоговоритель:

– Андрей Николаевич! Мы знаем, что вы здесь. Пожалуйста, ответьте.

Через несколько секунд на панели рядом со шлюзом замигал зелёный огонёк, и старый, искажённый помехами голос прозвучал из динамика:

– Идентифицируйте себя. Полностью. Имена, должности, цель прибытия.

Кондратьев удовлетворённо кивнул и поднёс микрофон ближе:

– Сержант Борис Кондратьев, офицер безопасности экспедиции "Русь-2". Со мной инженер-астрофизик Иван Орлов, биолог Мария Успенская и физик Виктор Демидов. Мы прибыли для исследования этой планетной системы и выяснения судьбы экипажа "Руси-1".

Долгое молчание было ответом. Затем металлический шлюз медленно, со скрипом начал открываться.

– Входите, – сказал голос. – Только вы четверо. И оружие оставьте снаружи.

Кондратьев нахмурился, но после короткого колебания отстегнул кобуру и положил её на выступ рядом со входом.

– Надеюсь, это не ошибка, – пробормотал он.

Они вошли в небольшой тамбур, где автоматические системы просканировали их на наличие патогенов и оружия. Затем внутренний шлюз открылся, и они оказались внутри.

Купол изнутри был намного просторнее, чем казался снаружи. Большую часть пространства занимали сложные гид-

ропонные установки, где росли земные растения вперемешку с местными образцами. В центре располагались жилая зона и научная лаборатория, заполненная как земным, так и явно инопланетным оборудованием.

И там, посреди всего этого, стоял человек. Высокий, худой, с длинной седой бородой и выгоревшими до белизны волосами, собранными в хвост. Его глаза, тёмные и пронзительные, изучали вошедших с настороженным интересом.

– Андрей Николаевич Левин? – тихо спросила Мария.

Человек слегка наклонил голову.

– Когда-то – да. Сейчас я уже не уверен, что осталось достаточно от того Андрея Левина, чтобы использовать это имя. – Его голос был хриплым, как будто он редко им пользовался. – Пять лет, два месяца и восемнадцать дней по земному времени я здесь один. Это меняет человека.

– Мы рады видеть вас живым, – искренне сказал Орлов, делая шаг вперёд с протянутой рукой.

Левин посмотрел на протянутую руку с лёгким замешательством, затем неуверенно пожал её.

– Физический контакт. Отвык от него, – пробормотал он. – Простите мою... социальную неловкость.

– Всё в порядке, – заверила его Мария с мягкой улыбкой. – Мы понимаем.

– Что произошло с "Русью-1"? – прямо спросил Кондратьев. – Почему вы остались, а остальные улетели?

Левин медленно опустился в кресло, сделанное, по-види-

мому, из переработанных материалов корабельной обшивки.

– Это долгая история, сержант. И не слишком приятная. – Он провёл рукой по бороде. – Не стойте, пожалуйста. Садитесь, если найдёте где. И можете снять шлемы – воздух здесь чище, чем снаружи. Я фильтрую его.

Они осторожно расположились на импровизированных сиденьях вокруг Левина. После некоторых колебаний все сняли шлемы.

– Мы контактировали с "Памятью", – начал Орлов. – И даже с сущностями, которые раньше были Ворониным и Соколовой.

Левин кивнул, не выказав удивления.

– Я знал, что они свяжутся с вами. Память сообщила мне о вашем прибытии. Она... мы поддерживаем контакт.

– Они рассказали, что после обнаружения инопланетных технологий двое членов экипажа решили эволюционировать, а остальные отправились к Тау Кита, – продолжил Орлов. – Но не объяснили, почему вы остались.

Левин горько усмехнулся.

– Я остался, потому что у меня не было выбора. – Он поднял левую руку, и только тогда они заметили, что она заканчивается чуть ниже локтя сложным протезом, явно сделанным из смеси земных и инопланетных технологий. – Во время одного из экспериментов с технологией Создателей произошёл несчастный случай. Я был серьёзно ранен. Слишком серьёзно, чтобы пережить путешествие к Тау Кита.

– Но они могли вернуться на Землю с вами, – возмутился Кондратьев. – Там вы получили бы медицинскую помощь.

– Возвращение было... неприемлемым вариантом, – тихо ответил Левин. – После того, что мы узнали, что мы увидели... Воронин принял решение. Возвращение на Землю с этими знаниями было бы безответственным. А на Земле... нас бы не поняли. Посадили в лаборатории, допрашивали, пытались бы извлечь технологии для военного применения.

– Вы не можете этого знать, – возразил Кондратьев.

– Мы знали это с абсолютной уверенностью, – твёрдо сказал Левин. – Воронин получил от Памяти способность просчитывать вероятности будущих событий. Он видел последствия возвращения. Все варианты вели к катастрофе.

Воцарилось молчание. Демидов с восхищением оглядывался вокруг, изучая странные технологические устройства.

– Это всё... инопланетные технологии? – спросил он.

– Частично, – кивнул Левин. – Я использовал то, что смог понять, для создания своего убежища. Остальное... большую часть я всё ещё пытаюсь осмыслить.

– Вы сказали, что поддерживаете контакт с Памятью, – вспомнила Мария. – А с Ворониным и Соколовой? С теми сущностями, в которые они превратились?

Левин покачал головой.

– Редко. Их сознание эволюционировало слишком далеко. Они воспринимают реальность иначе, чем мы. Общение с ними... сложно для человеческого разума.

– А с остальным экипажем? – спросил Кондратьев. – Вы знаете, что случилось с теми, кто отправился к Тау Кита?

– Нет, – тихо ответил Левин. – Связь прервалась после их отбытия. Иногда... иногда я ловлю фрагменты, эхо их сигналов. Но ничего конкретного.

Орлов внимательно изучал лицо Левина. За внешним спокойствием инженера он видел глубокую усталость, следы одиночества и – что удивительно – странный внутренний покой.

– Как вы справлялись все эти годы? – спросил он. – Одиночество, изоляция...

Левин слегка улыбнулся, впервые за весь разговор.

– Я не был по-настоящему одинок, Иван Петрович. Память – не просто хранилище информации. Это разумная сущность, способная к общению, обучению. Мы стали... друзьями, если можно так выразиться. Кроме того, – он указал на растения, – у меня было много работы. Изучение местной биосферы, адаптация земных растений к местным условиям, эксперименты с технологиями Создателей... Времени на жалость к себе не оставалось.

– Вы хотите вернуться с нами на Землю? – прямо спросил Кондратьев.

Левин долго молчал, словно этот вопрос застал его врасплох.

– Не знаю, – наконец признался он. – Пять лет назад я бы отдал всё за такую возможность. Сейчас... я не уверен, что

смогу вписаться в общество, которое покинул. Я слишком изменился. Мой дом теперь здесь.

– Но на Земле у вас семья, друзья, – напомнила Мария. – Они наверняка считают вас погибшим.

– Моя жена умерла за год до экспедиции, – тихо сказал Левин. – Детей у нас не было. Родители тоже давно умерли. Друзья... – он пожал плечами. – Время лечит, как говорится. Уверен, они уже оплакали меня и двинулись дальше.

– И всё же, Андрей Николаевич, – настаивал Орлов, – ваши знания, ваш опыт были бы бесценны для Земли. То, что вы узнали здесь...

– Именно поэтому я и не уверен, что должен возвращаться, – перебил его Левин. – Эти знания... они опасны. Не все, конечно. Есть технологии, которые могли бы помочь человечеству – медицинские, сельскохозяйственные, экологические. Но есть и другие, которые в неправильных руках способны уничтожить не только Землю, но и значительную часть Солнечной системы.

– Воронин говорил то же самое, – заметил Кондратьев с ноткой разочарования. – Вы все почему-то решили, что имеете право скрывать знания от человечества.

– Не скрывать, сержант, – возразил Левин. – Дозировать. Мы ведь не даём детям играть с ядерным реактором, верно? Сначала учим их физике, ответственности, последствиям. – Он устало потёр глаза. – Впрочем, это всё философские рассуждения. Я ещё не решил, что делать. Мне нужно время.

– Которого у нас не так много, – заметил Демидов. – Экспедиция имеет ограниченные ресурсы.

– Я понимаю, – кивнул Левин. – Сколько вы планируете оставаться на орбите?

– Это зависит от решения, которое мы примем относительно дальнейших действий, – ответил Орлов. – Есть предложение отправиться к Тау Кита, вслед за "Русью-1".

Левин резко поднял голову, его глаза расширились.

– Вы серьёзно рассматриваете такую возможность?

– Да, – подтвердил Орлов. – Воронин и Соколова утверждают, что с их помощью мы можем модифицировать наш инжектор для безопасного прыжка на такое расстояние.

– Это... возможно, – медленно произнёс Левин. – Технически возможно. Я сам участвовал в разработке этих модификаций для "Руси-1". Но риск всё равно существенный.

– А вы бы что выбрали? – спросила Мария. – Если бы были на нашем месте?

Левин встал и подошёл к странному устройству, похожему на трёхмерную карту звёздного неба, только с дополнительными, непонятными обозначениями.

– То, что ждёт у Тау Кита... – он помедлил. – Это нечто большее, чем просто исследование. Воронин говорил о великом переходе. О точке бифуркации для всего человечества.

– Что это значит? – нахмурился Кондратьев.

– Если верить Памяти, цивилизация Создателей не просто эволюционировала за пределы физической формы. Они со-

здали сеть информационных матриц по всей галактике, связанных квантовой запутанностью. Своего рода... нейронную сеть разума, охватывающую звёзды.

– И что с того? – не понимал Кондратьев.

Левин повернулся к ним, его глаза странно блеснули.

– А то, сержант, что их эволюция не закончена. Они ждут других разумных видов, которые присоединятся к ним. Которые добавят свой уникальный опыт, своё понимание, своё сознание к коллективному разуму.

– Вы говорите о... ассимиляции? – в голосе Демидова звучала тревога.

– Нет, – Левин покачал головой. – О симбиозе. О следующем шаге эволюции разума. Не растворение индивидуальности, а её расширение.

– Звучит как религия, – скептически заметил Кондратьев.

– Для средневекового человека квантовая физика тоже звучала бы как магия, – парировал Левин. – Дело не в вере, а в понимании реальности на более глубоком уровне.

– Так что бы вы выбрали? – повторила свой вопрос Мария.

Левин долго смотрел на них, затем перевёл взгляд на звёздную карту.

– Я бы отправился к Тау Кита, – наконец сказал он. – Если человечеству суждено сделать следующий шаг, кто-то должен проложить путь.

– А как же Земля? – возразил Кондратьев. – Наш долг перед народом, отправившим нас?

– Любая дорога начинается с первого шага, – философски заметил Левин. – Кто-то должен его сделать. Но это моё мнение, не более. Решение за вами.

Орлов обменялся взглядами с остальными членами группы.

– Нам нужно обсудить это со всем экипажем, – сказал он. – И мы хотели бы, чтобы вы присутствовали при этом обсуждении, Андрей Николаевич. Ваш опыт бесценен.

Левин явно колебался.

– Я не покидал этот купол уже три года, – тихо признался он. – Здесь... безопасно. Знакомо.

– Вы боитесь? – мягко спросила Мария.

– Да, – просто ответил он. – Боюсь. Боюсь, что мир за пределами моего убежища окажется слишком большим, слишком сложным. Боюсь снова привыкнуть к людям, а потом потерять их.

Мария встала и подошла к нему. Без колебаний она взяла его за руку – обычную, человеческую руку, не протез.

– Мы не оставим вас, – тихо сказала она. – Что бы ни случилось, какое бы решение ни было принято, мы не оставим вас одного снова.

Левин посмотрел на её руку, держащую его ладонь, затем медленно поднял глаза к её лицу.

– Хорошо, – сказал он после долгой паузы. – Я пойду с вами. Но мне нужно подготовиться. Собрать данные, которые могут быть полезны для вашего решения.

– Сколько вам нужно времени? – спросил Кондратьев.

– Несколько часов. Я хочу взять с собой некоторые образцы и устройства. И... – он замялся, – мне нужно попроситься с этим местом. На всякий случай.

– Мы понимаем, – кивнул Орлов. – Мы вернёмся за вами через шесть часов. Этого достаточно?

– Более чем, – Левин слабо улыбнулся. – Спасибо за... терпение.

Возвращение на "Русь-2" было молчаливым. Каждый участник группы погрузился в свои мысли, пытаясь осмыслить встречу с человеком, проводшим пять лет в одиночестве на чужой планете.

В конференц-зале корабля их ждал весь остальной экипаж, жаждущий услышать отчёт о встрече с выжившим.

– Он выглядит... нормальным? – спросил кто-то, когда Орлов закончил своё краткое описание.

– Удивительно нормальным, учитывая обстоятельства, – ответил Орлов. – Рациональным. Возможно, немного отстранённым, но это понятно после такой изоляции.

– И он придёт сюда? На корабль? – уточнил главный инженер.

– Мы вернёмся за ним через шесть часов, – подтвердил Кондратьев. – Он хочет собрать некоторые данные и образцы.

– Но главный вопрос остаётся открытым, – вмешался штурман. – Что нам делать дальше? Возвращаться на Зем-

лю? Лететь к Тау Кита?

– Левин считает, что мы должны следовать за "Русью-1", – сказал Орлов. – По его словам, у Тау Кита находится нечто, что может быть критически важно для будущего человечества.

– Звучит слишком расплывчато, – скептически заметил инженер. – Конкретные факты есть?

– Будут, когда Левин присоединится к нам, – ответил Орлов. – Он обещал предоставить данные.

– Мне это не нравится, – штурман покачал головой. – Мы не знаем этого человека. Пять лет изоляции – достаточно, чтобы повредить психику даже самого устойчивого специалиста. Откуда мы знаем, что его информация надёжна?

– Воронин и Соколова подтвердили его слова, – возразила Мария. – То есть, те сущности, в которые они эволюционировали.

– И им мы тоже не можем полностью доверять, – упрямо сказал штурман. – Они больше не люди, не советские граждане. У них могут быть свои мотивы, непонятные нам.

Спор разгорался. Экипаж разделился на тех, кто считал, что нужно возвращаться на Землю с полученными знаниями, и тех, кто хотел продолжить исследование, отправившись к Тау Кита.

– Возможно, мы должны дождаться Левина и его данных, прежде чем принимать решение, – предложил Демидов, пытаясь примирить стороны.

– Согласен, – кивнул Кондратьев. – Но должен предупредить: как офицер безопасности, я буду решительно возражать против любого плана, который подвергает экипаж неоправданному риску.

– Определение "неоправданного риска" субъективно, сержант, – тихо заметил Орлов. – Для исследователя риск оправдан возможностью открытия. Для военного – только гарантированной победой.

– Для меня риск оправдан, когда на кону стоит что-то более важное, чем личная безопасность, – ответил Кондратьев, удивив многих. – Но я должен быть убеждён, что цель стоит возможных жертв.

– Справедливо, – согласился Орлов. – Тогда дождёмся Левина и выслушаем его аргументы.

Шесть часов спустя десантный модуль снова опустился возле купола Левина. На этот раз группу возглавлял сам Орлов, с ним были Мария, Демидов и медик экспедиции.

Левин ждал их у входа. Он переоделся в чистую одежду, собрал волосы и подстриг бороду. Рядом с ним стояло несколько контейнеров с оборудованием и образцами.

– Вы уверены, что хотите взять всё это? – спросил Орлов, глядя на контейнеры.

– Здесь только самое необходимое, – ответил Левин. – Данные о технологиях Создателей, образцы местной биосферы, которые могут иметь медицинское применение, и... личные вещи.

Он бросил последний взгляд на купол, ставший его домом на пять лет.

– Вы можете вернуться сюда в любой момент, – мягко сказала Мария, заметив его колебания. – Это не прощание навсегда.

– Возможно, – кивнул Левин. – Но я чувствую, что моё время здесь подходит к концу. Что бы ни случилось дальше – на Тау Кита или на Земле – я не вернусь в это убежище.

С помощью Демидова они загрузили контейнеры в модуль. Перед тем как войти внутрь, Левин остановился и поднял лицо к небу.

– Прощай, Память, – тихо сказал он. – Спасибо за всё.

– Она услышит вас? – спросил Орлов.

– Да, – Левин слабо улыбнулся. – Она всегда слышит. Даже когда кажется, что она далеко, часть её сознания всегда здесь.

Они поднялись на борт модуля, и через несколько минут купол превратился в маленькую точку на поверхности планеты.

– Странно покидать это место, – пробормотал Левин, глядя в иллюминатор. – Я почти забыл, каково это – быть среди звёзд.

– Вы скучали по космосу? – спросил Орлов.

– Каждый день, – признался Левин. – Даже имея доступ к величайшим знаниям во Вселенной, я смотрел на небо и тосковал по полёту.

Модуль приближался к "Руси-2", висящей на орбите. Левин не мог оторвать взгляд от величественного корабля.

– Она прекрасна, – прошептал он. – Совершеннее, чем была "Русь-1".

– Усовершенствованная модель, – с гордостью сказал Демидов. – Новый инжектор, улучшенные системы жизнеобеспечения, более мощные компьютеры.

– И всё же, – задумчиво произнёс Левин, – по сравнению с технологиями Создателей даже она – всего лишь примитивное каноэ рядом с атомной подводной лодкой.

Эти слова заставили всех замолчать. Впервые они по-настоящему осознали масштаб разрыва между человеческими достижениями и тем, что создала древняя исчезнувшая цивилизация.

Спустя два часа Левин уже выступал перед всем экипажем "Руси-2" в главном конференц-зале. Медики осмотрели его и, удивительно, нашли в хорошем физическом состоянии, не считая руки-протеза и нескольких шрамов.

– Благодарю вас за возможность обратиться ко всем, – начал Левин, стоя перед проектором, показывающим странные символы и диаграммы. – То, что я собираюсь рассказать, повлияет на решение, которое вам предстоит принять. Я постараюсь быть максимально объективным, хотя признаю, что имею собственное мнение по этому вопросу.

Он активировал первую голограмму – трёхмерную карту ближайших звёздных систем с выделенными точками.

– Это расположение информационных матриц, созданных Создателями в нашем секторе галактики, – пояснил он. – Каждая такая матрица содержит часть их коллективного сознания, их знаний, их эволюционного пути. КЭДО-117, где мы находимся, – одна из таких точек. Тау Кита – другая, возможно, более важная.

– Почему более важная? – спросил штурман.

– Согласно данным Памяти, матрица у Тау Кита – один из основных узлов квантовой сети Создателей. Место, где концентрация их сознания особенно высока. И, что более важно, место, где они оставили... инструменты.

– Какие инструменты? – заинтересовался главный инженер.

Левин активировал вторую голограмму, показывающую странную конструкцию, напоминающую гигантское кольцо с множеством вспомогательных структур.

– Они называли это Вратами Перехода. Устройство, созданное для облегчения эволюционного скачка материальных форм жизни к информационному состоянию.

– То есть, машина для... превращения людей в то, чем стали Воронин и Соколова? – уточнил Демидов.

– В некотором смысле, да, – кивнул Левин. – Но это лишь одна из её функций. Врата также служат мостом между различными уровнями реальности. Они позволяют путешествовать между звёздными системами без обычных ограничений пространства-времени.

– Мгновенный транспорт? – скептически спросил Кондратьев. – Звучит как научная фантастика.

– Для древних греков электричество тоже было бы фантастикой, – возразил Левин. – Это просто технология, достаточно продвинутая, чтобы казаться магией.

– И вы предлагаете нам отправиться к этим... Вратам? – уточнил Орлов.

– Я лишь предоставляю информацию, – ответил Левин. – "Русь-1" отправилась туда пять лет назад. Вероятно, они прибыли к Тау Кита и обнаружили Врата. Что произошло дальше – неизвестно.

– А что насчёт рисков? – спросил Кондратьев. – Какова вероятность, что мы сможем благополучно достичь Тау Кита и вернуться на Землю?

Левин активировал третью голограмму – сложную диаграмму с множеством ветвящихся линий.

– Это расчёт вероятностей, сделанный Памятью на основе имеющихся данных. При стандартной конфигурации вашего инжектора вероятность успешного прыжка к Тау Кита составляет около 35%.

По залу пронеслась волна шёпота – слишком рискованно.

– Однако, – продолжил Левин, – с модификациями, которые я могу предложить на основе технологий Создателей, эта вероятность повышается до 97%.

– И вы можете внедрить эти модификации? – спросил главный инженер.

– Да, – уверенно ответил Левин. – Большая часть изменений – программные, не требующие физической перестройки инжектора. Я могу внести их за 48 часов.

– А вероятность возвращения? – настаивал Кондратьев.

– Здесь ситуация сложнее, – признал Левин. – Если Врата существуют и функционируют, вероятность возвращения – практически 100%. Если нет... придётся полагаться на модифицированный инжектор, и вероятность снижается до 92%.

– Всё ещё высокий показатель, – заметил Демидов.

– Да, но есть нюанс, – предупредил Левин. – Эта вероятность предполагает, что экипаж останется... человеческим. Если кто-то решит пройти через Врата для эволюционного перехода, как Воронин и Соколова, вернуться в прежней форме будет невозможно.

– Никто не собирается "эволюционировать", – твёрдо сказал Кондратьев. – Наша задача – исследование, не трансформация.

– Именно так думал и экипаж "Руси-1", – тихо заметил Левин. – Пока не увидел, что предлагают Врата.

– И что же они предлагают? – спросил Орлов.

Левин помедлил, словно подбирая слова.

– Понимание, – наконец сказал он. – Истинное, глубокое понимание устройства Вселенной. Конец одиночества разума. Связь со всеми другими формами сознания, существовавшими, существующими и теми, которые ещё появятся. –

Он обвёл взглядом присутствующих. – Я не прошёл через Врата, но я общался с Памятью достаточно глубоко, чтобы ощутить эхо этого состояния. Это... это как проблеск рая, если такое сравнение уместно.

– Или иллюзия, – возразил Кондратьев. – Манипуляция сознанием.

– Возможно, – не стал спорить Левин. – Я не могу гарантировать, что всё именно так, как описывает Память. Но я знал Воронина и Соколову. Это были разумные, критически мыслящие люди. Они не поддались бы на простую иллюзию.

Наступила тишина. Каждый из присутствующих пытался осмыслить услышанное, взвесить риски и потенциальные откровения.

– Есть ещё одна вещь, которую вы должны знать, – добавил Левин после паузы. – Согласно Памяти, Врата активируются не постоянно. Они следуют циклу, связанному с определёнными астрономическими событиями. Следующее окно активации начнётся через три месяца по земному времени и продлится примерно две недели. Если мы хотим увидеть Врата в действии, нужно успеть к этому моменту.

– Три месяца... – Орлов быстро произвёл расчёты в уме. – При максимальной мощности инжектора и с вашими модификациями, сколько времени займёт путешествие к Тау Кита?

– Примерно две недели в подпространстве, – ответил Левин. – Плюс время на подготовку и настройку – около трёх

недель в общей сложности.

– То есть, у нас будет запас в два месяца, – подытожил Орлов. – Достаточно для исследования системы Тау Кита и Врат до их активации.

– Именно, – кивнул Левин. – Идеальное окно возможностей.

– А если мы решим вернуться на Землю? – спросил кто-то из экипажа. – Какие знания мы привезём?

– Всё, что я собрал за пять лет, – ответил Левин, указывая на свои контейнеры. – Технологии, способные революционизировать медицину, энергетику, сельское хозяйство. Но не военное дело, – он бросил взгляд на Кондратьева. – Я тщательно отфильтровал информацию.

– И вы считаете, что этого достаточно? – спросил штурман.

Левин пожал плечами.

– Достаточно для чего? Для прогресса человечества? Да, несомненно. Эти знания продвинут земную науку на десятилетия вперёд. Но по сравнению с тем, что могли бы предложить Врата...

Он не закончил фразу, но все поняли недосказанное: по сравнению с Вратами, даже эти революционные знания – лишь капля в море.

– Мы должны проголосовать, – сказал Орлов, обводя взглядом экипаж. – Это решение слишком важно, чтобы принимать его единолично.

– Согласен, – кивнул Кондратьев. – Демократический принцип.

– Тогда предлагаю следующее, – Орлов встал. – Мы берём день на размышление. Каждый изучает данные, предоставленные Андреем Николаевичем. Затем проводим тайное голосование: возвращаться на Землю или лететь к Тау Кита. Решение принимается большинством голосов.

– А если голоса разделятся поровну? – спросил главный инженер.

– В таком случае, – после паузы сказал Орлов, – решающий голос будет за мной, как научным руководителем экспедиции.

Никто не возразил. План был принят.

В тот вечер Левин сидел в выделенной ему каюте, перебирая личные вещи, которые он привёз с планеты. Среди них был странный кристаллический объект – небольшой многогранник размером с кулак, слабо светящийся изнутри переливающимся голубым светом.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – сказал Левин, быстро накрывая кристалл тканью.

Дверь открылась, и вошёл Орлов.

– Не помешал? – спросил он.

– Нет, конечно, – Левин указал на стул. – Присаживайтесь, Иван Петрович.

Орлов сел, внимательно глядя на Левина.

– Я хотел поговорить с вами наедине, – начал он. – О том, что вы не сказали на общем собрании.

– А я многого не сказал, – признал Левин с лёгкой улыбкой. – Нужно дозировать информацию, чтобы не перегружать слушателей.

– Я имею в виду конкретно о Вратах, – уточнил Орлов. – Вы описали их как устройство для эволюционного перехода и межзвёздного транспорта. Но у меня ощущение, что это не всё.

Левин долго изучал лицо Орлова, затем тяжело вздохнул.

– Вы очень проницательны, Иван Петрович. Да, есть кое-что ещё. Но я не уверен, что стоит говорить об этом перед голосованием. Это может... повлиять на решение.

– Именно поэтому я и спрашиваю, – настаивал Орлов. – Если есть информация, которая может повлиять на наш выбор, мы должны её знать.

Левин колебался, затем медленно снял ткань с кристалла. В полутьме каюты голубое свечение стало ярче, отбрасывая странные тени на стены.

– Что это? – спросил Орлов, зачарованно глядя на объект.

– Квантовый резонатор, – ответил Левин. – Устройство Создателей, служащее для связи с квантовой сетью. Своего рода... телефон.

– И с кем вы на нём связываетесь?

– С Памятью, в основном. Иногда с... другими сущностями.

– С Ворониным?

– Нет, – Левин покачал головой. – С существами более древними. Теми, кто создал сеть.

Орлов почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– И что они говорят?

Левин провёл рукой над кристаллом, и тот засветился ярче.

– Они говорят, что времени мало. Не только для активации Врат – для всего человечества. – Он посмотрел прямо в глаза Орлову. – Вы знаете о проблемах на Земле? Экологических, политических, социальных?

– Конечно, – кивнул Орлов. – Космическая программа частично и существует для решения этих проблем – поиск новых ресурсов, технологий.

– Эти проблемы серьезнее, чем признают официально, – тихо сказал Левин. – По расчётам Создателей, основанным на исторических данных сотен цивилизаций, человечество находится в точке бифуркации. У нас осталось меньше ста лет.

– До чего?

– До момента, когда путь назад будет отрезан. Когда деградация биосферы, истощение ресурсов и социальные конфликты достигнут критического уровня. После этого коллапс неизбежен.

– Звучит апокалиптически, – заметил Орлов с сомнением.

– Не апокалипсис, – возразил Левин. – Просто медлен-

ный, мучительный спад. Цивилизация не исчезнет в одночасье, но перестанет развиваться. Застрянет в ловушке выживания.

– И эти... Создатели предлагают решение?

– Да, – Левин кивнул на кристалл. – Врата. Но не просто как способ эволюции отдельных личностей. Как шанс для всего человечества получить знания, необходимые для предотвращения коллапса.

– Почему же вы не сказали об этом на общем собрании?

– Потому что боялся, что это будет воспринято как манипуляция, – признался Левин. – "Летите к Тау Кита, иначе человечество обречено" – звучит как ультиматум, не так ли?

Орлов медленно кивнул.

– Да, некоторые восприняли бы это именно так. Особенно Кондратьев.

– Именно. А мне хотелось, чтобы решение основывалось на стремлении к знаниям, а не на страхе.

– Понимаю, – Орлов задумчиво смотрел на кристалл. – Но меня смущает одна вещь: почему эти Создатели заботятся о судьбе человечества? Какой им прок от нас?

Левин улыбнулся.

– Хороший вопрос. Они не "заботятся" в нашем понимании этого слова. Для них это... как для нас забота о биоразнообразии. Каждый разумный вид уникален, каждый смотрит на Вселенную под своим углом. Когда вид исчезает или деградирует, теряется уникальная перспектива. А Создатели

ценят разнообразие перспектив.

– То есть, мы для них – экзотические животные в зоопарке?

– Скорее молодые коллеги по исследованию Вселенной, – возразил Левин. – Наше сознание – инструмент познания, отличный от их инструментов. Мы видим то, чего не видят они. И наоборот.

Орлов долго молчал, обдумывая услышанное.

– Я ценю вашу откровенность, Андрей Николаевич, – наконец сказал он. – Но не думаю, что стоит делиться этой информацией с остальными перед голосованием. Это действительно может быть воспринято как давление.

– Я и не собирался, – согласился Левин. – Решение должно быть свободным. Я просто хотел, чтобы вы, как научный руководитель, имели полную картину.

– И у вас получилось, – Орлов встал. – Спасибо за разговор. И ещё один вопрос: вы сами как будете голосовать?

Левин снова накрыл кристалл тканью, и комната погрузилась в обычный желтоватый свет корабельных ламп.

– За Тау Кита, – просто сказал он. – Не из страха за будущее человечества, а из любопытства. Я хочу увидеть Врата собственными глазами.

– Понимаю, – кивнул Орлов. – Спокойной ночи, Андрей Николаевич.

– Спокойной ночи, Иван Петрович.

Следующий день прошёл в напряжённой тишине. Чле-

ны экипажа изучали данные, предоставленные Левиным, обсуждали варианты в малых группах, взвешивали риски и возможные выгоды. К вечеру все собрались в конференц-зале для голосования.

– Перед тем, как мы начнём, – сказал Орлов, – я хочу напомнить: какое бы решение ни было принято, мы остаёмся единой командой. Ни обвинений, ни разделения на "правых" и "неправых". Мы все действуем из лучших побуждений.

– Согласен, – кивнул Кондратьев. – И хочу добавить: я как офицер безопасности обещаю сделать всё возможное для защиты экипажа, независимо от того, какой путь мы выберем.

Голосование было тайным. Каждый член экипажа получил карточку, на которой нужно было написать свой выбор: "Возвращение" или "Тау Кита". Карточки опускались в импровизированную урну.

Когда все проголосовали, Орлов и Кондратьев вместе подсчитали голоса. Напряжение в зале нарастало с каждой секундой.

Наконец, Орлов выпрямился и оглядел собравшихся.

– Результаты голосования, – объявил он. – За возвращение на Землю: 6 голосов. За путешествие к Тау Кита: 7 голосов.

По залу пронеслись шёпот и вздохи облегчения – или разочарования, в зависимости от личных предпочтений.

– Таким образом, – продолжил Орлов, – решение принято: мы отправляемся к Тау Кита. Подготовка начинается

немедленно. Андрей Николаевич, – он повернулся к Левину, – вы готовы приступить к модификации инжектора?

– Да, – кивнул Левин. – Мне понадобится доступ к главному компьютеру и помощь инженерной команды.

– Вы получите всё необходимое, – заверил его Орлов. – Главный инженер, прошу обеспечить полное содействие.

– Будет сделано, – ответил инженер, хотя в его голосе слышалась лёгкая неуверенность. – Мы начнём завтра с утра.

– Нет, – возразил Орлов. – Мы начнём сейчас. Каждый час на счету.

Следующие две недели "Русь-2" готовилась к беспрецедентному прыжку. Левин, работая практически без отдыха, вносил изменения в программное обеспечение инжектора, объясняя инженерам принципы работы новых алгоритмов. Экипаж тренировался для экстремальных условий, которые могли возникнуть при таком дальнем прыжке.

Мария часто составляла компанию Левину, помогая ему адаптироваться к жизни на корабле после пяти лет изоляции. Между ними установилась странная, но крепкая дружба – она была зачарована его опытом, он – благодарен за её поддержку.

Кондратьев, несмотря на изначальный скептицизм, профессионально выполнял свои обязанности, обеспечивая безопасность экипажа во время подготовки. Он даже обнаружил несколько потенциальных проблем, которые могли бы возникнуть при прыжке, что заслужило уважительный кивок от

Левина.

Орлов координировал всю операцию, но находил время для личных бесед с Левиным, пытаясь глубже понять природу Создателей и их технологий.

Наконец, настал день прыжка. Корабль был полностью подготовлен, инжектор модифицирован по спецификациям Левина, экипаж находился на своих местах.

– Всем занять позиции для прыжка, – объявил Орлов через корабельную связь. – Инжектор активируется через тридцать минут.

Левин сидел рядом с главным инженером у консоли инжектора, наблюдая за последними приготовлениями.

– Вы уверены, что это сработает? – тихо спросил инженер.

– На 97%, – с улыбкой ответил Левин. – Достаточно высокая вероятность, не так ли?

– А оставшиеся 3%?

– Спонтанная дезинтеграция на квантовом уровне, – пожал плечами Левин. – Но мы даже не заметим. Слишком быстро.

– Это должно меня успокоить? – скептически спросил инженер.

– Нет, – Левин улыбнулся шире. – Но и волноваться не о чем. Некоторые вещи находятся за пределами нашего контроля. Всё, что мы можем – делать лучшее, на что способны, и принимать результат.

– Философ, – хмыкнул инженер, но его лицо немного рас-

слабилось.

Вскоре в командный отсек вошли Орлов и Мария.

– Всё готово? – спросил Орлов.

– Абсолютно, – подтвердил Левин. – Инжектор настроен идеально. Координаты Тау Кита загружены. Системы функционируют оптимально.

– Тогда начинаем обратный отсчёт, – Орлов повернулся к коммуникационной панели. – Всем членам экипажа: активация инжектора через десять минут. Примите безопасное положение.

Мария подошла к Левину.

– Нервничаешь? – тихо спросила она.

– Странно, но нет, – ответил он. – Пять лет я мечтал снова оказаться среди звёзд. И вот я здесь, готовлюсь совершить прыжок, который изменит историю человечества. Это... удовлетворение, не нервозность.

Она положила руку на его плечо.

– Я рада, что мы нашли тебя.

– А я рад, что вы не прошли мимо, – тихо ответил он.

Время неумолимо приближалось к моменту прыжка. Кондратьев занял место у консоли безопасности, готовый реагировать на любые непредвиденные ситуации.

– Две минуты до активации, – объявил Орлов. – Последняя проверка систем.

– Все системы в норме, – доложил главный инженер. – Инжектор на 100% мощности.

– Экипаж на местах и готов, – сообщил Кондратьев. – Медблок в состоянии повышенной готовности.

– Навигационные системы настроены на Тау Кита, – доложил штурман. – Курс проложен через подпространство.

– Одна минута, – сказал Орлов.

Левин закрыл глаза, мысленно проверяя все параметры, всё, что он настроил за последние две недели. Всё было идеально. Но оставалась та самая переменная, которую невозможно контролировать – случайность, хаос, квантовая неопределённость.

– Тридцать секунд.

Мария села рядом с ним, пристегнувшись к креслу. На её лице читалось волнение, но глаза сияли предвкушением.

– Пятнадцать секунд.

Корабль едва заметно вибрировал – инжектор набирал мощность, готовясь прорвать ткань обычного пространства.

– Десять... девять... восемь...

Орлов занял своё место, его пальцы легли на кнопку активации.

– ...три... два... один... Активация!

Он нажал кнопку, и мир вокруг них перестал существовать.

Сначала была пустота. Абсолютная, непроницаемая темнота, словно само понятие света перестало существовать. Затем – ослепительная вспышка, и время растянулось, как резина, превращая секунды в вечность, а вечность – в мгнове-

ние.

"Русь-2" вошла в подпространство – измерение, где обычные законы физики не действуют, где двенадцать световых лет становятся всего лишь шагом через невидимый порог.

Для экипажа это переживание было подобно странному сну – они осознавали происходящее, но не могли полностью понять его. Только Левин, благодаря своему опыту общения с Памятью, ощущал подпространство иначе – как многомерную структуру, где информация и материя были одним и тем же.

Путешествие, которое в нормальном пространстве заняло бы десятилетия, продолжалось всего две недели. Две недели относительного покоя, во время которых экипаж адаптировался к странным ощущениям подпространства – мимолётным видениям, искажённому восприятию времени, необъяснимым эмоциональным всплескам.

И наконец, на пятнадцатый день пребывания в подпространстве, корабельные компьютеры начали обратный отсчёт до выхода в нормальное пространство.

– Всем приготовиться, – объявил Орлов. – Выход через пять минут.

Экипаж занял свои места, готовясь к обратному переходу – процессу не менее странному и дезориентирующему, чем вход в подпространство.

– Системы работают нормально, – доложил главный инженер. – Выходные параметры в пределах расчётных значений.

– Защитные поля активированы, – добавил Кондратьев. – Медблок готов принимать пострадавших, если возникнет необходимость.

Левин сидел рядом с Марией, его глаза были закрыты, лицо сосредоточенно. Он ощущал приближающийся переход не как техническую операцию, а как фундаментальную трансформацию реальности вокруг них.

– Тридцать секунд до выхода, – объявил Орлов. – Приготовиться к временной дезориентации.

– Десять секунд... пять... три... два... один...

Мир взорвался светом и звуком. Экипаж почувствовал короткий, но интенсивный прилив давления, словно они нырнули на большую глубину. Затем давление исчезло, и корабль вернулся в нормальное пространство.

– Выход успешен, – доложил штурман дрожащим от облегчения голосом. – Мы... мы у Тау Кита!

На главном экране появилось изображение жёлтой звезды, удивительно похожей на Солнце. Вокруг неё вращались планеты, их силуэты были лишь тусклыми точками на таком расстоянии.

– Расстояние до звезды? – спросил Орлов.

– Примерно 2,5 астрономических единицы, – ответил штурман. – Мы вышли именно там, где планировали.

По командному отсеку пронесли восторженные возгласы и аплодисменты. Они сделали это! Совершили прыжок через двенадцать световых лет и прибыли точно к цели.

Левин молча сидел в своём кресле, по его лицу текли слёзы.

– Андрей? – обеспокоенно спросила Мария. – Что случилось?

– Ничего, – он покачал головой, вытирая слёзы. – Просто... я не думал, что снова увижу другую звёздную систему. После аварии на "Руси-1" я смирился с тем, что проведу остаток жизни на той планете. А теперь я здесь, у звезды, которую человечество веками наблюдало только в телескопы.

Орлов положил руку ему на плечо.

– Это и ваша заслуга, Андрей Николаевич. Без ваших модификаций инжектора мы бы не смогли совершить этот прыжок.

– Что теперь? – спросил главный инженер.

– Теперь мы исследуем систему, – ответил Орлов. – Ищем планету с Вратами. Согласно данным Памяти, они должны находиться на четвёртой планете системы.

– Сканеры уже работают, – сообщил штурман. – Предварительные данные показывают, что система Тау Кита содержит семь планет. Четвёртая по удалённости от звезды – каменная, с атмосферой. Предварительная температура поверхности подходит для жизни.

– Как долго нам добираться до неё? – спросил Кондратьев.

– При максимальной мощности ионных двигателей – около трёх дней, – ответил штурман.

– Тогда не будем терять времени, – решил Орлов. – Зада-

ём курс на четвёртую планету, полная мощность.

Корабль развернулся и начал движение к далёкой точке, которая, возможно, скрывала величайшее чудо Вселенной – Врата, способные изменить судьбу человечества.

ГЛАВА 4. ВРАТА ПЕРЕХОДА

Серо-голубая планета медленно вращалась в космической пустоте, освещаемая желтоватым светом Тау Кита. Она напоминала Землю – те же океаны, те же континенты, хотя их очертания были совершенно иными. Но чем ближе подходил корабль, тем отчётливее становились различия: странные геометрические структуры на поверхности, слишком правильные, чтобы быть естественными образованиями.

– Искусственного происхождения, без сомнения, – пробормотал Орлов, глядя на увеличенные изображения на главном экране. – Эти конструкции занимают целые регионы.

– Города? – предположил Демидов.

– Скорее храмы или научные комплексы, – ответил Левин, внимательно изучая данные сканеров. – Судя по размерам и геометрии. И они очень древние – датчики фиксируют признаки эрозии, характерные для сооружений, простоявших тысячелетия.

– А признаки активной деятельности? – спросил Кондратьев. – Энергетические выбросы, движение объектов?

– Ничего явного, – ответил главный инженер, просматривая показания приборов. – Но есть странные энергетические колебания в одном регионе – восточное полушарие, большая кольцевая структура.

– Врата, – тихо произнёс Левин. – Должно быть, они.

Орлов повернулся к нему.

– Вы уверены?

– Нет, – Левин покачал головой. – Но описание соответствует тому, что хранилось в Памяти. Кольцевая структура диаметром около километра, окружённая вспомогательными сооружениями.

– Что говорят данные об атмосфере? – спросила Мария. – Мы сможем дышать на поверхности?

– Кислородно-азотная смесь, близкая к земной, – ответил штурман. – Но содержание кислорода выше – около 25%. Дышать можно, но возможны побочные эффекты при длительном воздействии.

– Значит, будем использовать дыхательные фильтры, – решил Орлов. – Кондратьев, подготовьте десантную группу. Первый спуск – разведывательный. Минимальный состав, максимальная безопасность.

– Есть, – кивнул Кондратьев. – Предлагаю состав: я, вы, Левин, Успенская и Демидов. Плюс два техника для обслуживания оборудования.

– Согласен, – Орлов повернулся к Левину. – Андрей Николаевич, есть какие-то особые рекомендации для высадки? Левин задумался.

– Врата, если это действительно они, должны находиться в состоянии ожидания. Но они могут реагировать на наше присутствие. Память предупреждала о защитных механиз-

мах, активирующихся при приближении неизвестных форм жизни.

– Опасных? – нахмурился Кондратьев.

– Не смертельных, – уточнил Левин. – Скорее сдерживающих. Силовые поля, дезориентирующие эффекты. Их цель – не уничтожить пришельцев, а дать им время адаптироваться, понять, с чем они имеют дело.

– То есть Создатели не были агрессивны? – спросила Мария.

– Судя по всему, нет, – подтвердил Левин. – Они стремились к контакту, к обмену знаниями. Но были осторожны – не каждая форма жизни готова к такому обмену.

– Логично, – кивнул Орлов. – Хорошо, выходим на орбиту и готовим десантный модуль. Спуск через шесть часов.

Корабль занял стабильную орбиту вокруг планеты, и экипаж начал подготовку к спуску. Левин и Мария проверяли научное оборудование, Кондратьев инструктировал группу по протоколам безопасности, техники готовили десантный модуль.

Орлов находился в своей каюте, записывая личный дневник – практика, которой он следовал с начала экспедиции.

– Борт "Руси-2", личный журнал научного руководителя, доктора Ивана Петровича Орлова, – диктовал он. – Мы на орбите четвёртой планеты системы Тау Кита. Невероятно, но модификации Левина сработали – прыжок прошёл почти идеально. Мы преодолели двенадцать световых лет за пятна-

дцать дней. Этот факт сам по себе революционен для науки.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Но истинное открытие, возможно, ждёт нас на поверхности. Если данные Левина верны, мы стоим на пороге контакта с наследием древней цивилизации, технологически превосходящей нас на тысячи, если не миллионы лет. Я не могу не думать о том, как это изменит наше понимание Вселенной, наше место в ней.

Он выключил запись и долго сидел неподвижно, глядя на изображение планеты на экране. Мысли о предстоящей высадке смешивались с воспоминаниями о Земле, о тех, кто ждал их возвращения. Что скажут они, узнав, что "Русь-2" не только нашла следы "Руси-1", но и обнаружила технологии, способные перевернуть представление человечества о реальности?

Стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – сказал он.

Дверь открылась, и вошёл Кондратьев.

– Иван Петрович, всё готово к спуску. Модуль проверен, оборудование загружено.

– Спасибо, Борис, – кивнул Орлов. – Как настроение в команде?

– Нервное возбуждение, – честно ответил Кондратьев. – Все понимают, что мы стоим на пороге чего-то... беспрецедентного.

– А вы сами? Какие у вас мысли?

Кондратьев помедлил, явно подбирая слова.

– Я военный, Иван Петрович. Моя работа – защищать экипаж и выполнять миссию. Но как человек... – он сделал паузу. – Как человек, я чувствую и трепет, и тревогу. Если внизу действительно находится то, о чём говорит Левин, это изменит всё. И не все изменения будут к лучшему.

– Вы не доверяете Левину?

– Я не уверен, что можно доверять любому человеку, прошедшему пять лет в одиночестве, общаясь с инопланетным разумом, – пожал плечами Кондратьев. – Он мог быть... изменён этим опытом, даже не осознавая этого.

– Вы правы, конечно, – согласился Орлов. – Осторожность необходима. Но я не вижу в Левине угрозы – скорее, человека, пережившего травму и нашедшего новую цель.

– Возможно, – не стал спорить Кондратьев. – В любом случае, я буду бдителен. Для общей безопасности.

– И я рассчитываю на это, – Орлов встал. – Пойдёмте, пора готовиться к спуску.

Десантный модуль вошёл в атмосферу планеты, окружённый огненным ореолом. Внутри члены группы молча ждали, пристёгнутые к своим креслам. Каждый был погружён в собственные мысли.

– Снижаемся к заданным координатам, – сообщил пилот модуля. – Визуальный контакт с поверхностью через три минуты.

Левин сидел рядом с Марией, его глаза были закрыты, ды-

хание глубокое и ровное – он словно медитировал.

– Левин, с вами всё в порядке? – спросил Кондратьев.

– Да, – Левин открыл глаза. – Просто... готовлюсь. Это место важно. Я чувствую его значимость.

– Вы были здесь раньше?

– Нет, – покачал головой Левин. – Но я видел его через Память. Нечётко, как отражение в мутной воде, но достаточно, чтобы узнать.

– Визуальный контакт, – объявил пилот.

Все подались вперёд, глядя через иллюминаторы. Внизу раскинулась обширная равнина, покрытая странной серебристой растительностью. А в центре равнины возвышалась она – гигантская кольцевая структура, сияющая даже под тусклым светом Тау Кита.

– Врата, – прошептал Левин. – Это действительно они.

Кольцо было намного больше, чем казалось по данным сканеров – не менее двух километров в диаметре. Оно парило в нескольких метрах над землёй, поддерживаемое невидимой силой. Вокруг него располагались меньшие структуры – куполообразные сооружения, пирамиды, колонны, соединённые сетью мерцающих линий, похожих на силовые поля или энергетические потоки.

– Это... рукотворное? – с сомнением спросил Демидов. – Выглядит почти органически.

– Граница между технологией и биологией стирается на определённом уровне развития, – ответил Левин. – Для Со-

здателей это были просто разные аспекты одного целого.

Модуль продолжал снижаться, и теперь они могли видеть детали поверхности Врат – не гладкую, как казалось издаലെка, а покрытую миллионами крошечных символов, сияющих слабым голубоватым светом.

– Можно сделать круг вокруг структуры? – попросил Орлов пилота. – На безопасном расстоянии.

– Да, сэр, – кивнул пилот, меняя курс.

Модуль описал широкую дугу, позволяя группе осмотреть всю конструкцию. С каждой секундой наблюдения их изумление только росло – масштаб, сложность, элегантность Врат превосходили всё, созданное человеческими руками.

– Там, у основания, – вдруг сказала Мария, указывая на группу меньших сооружений. – Это что, корабль?

Все посмотрели в указанном направлении. Действительно, среди геометрически правильных построек Создателей выделялся объект, явно не принадлежащий к их архитектуре – цилиндрический, с характерными очертаниями космического корабля.

– "Русь-1", – тихо произнёс Левин. – Они добрались сюда.

– Есть признаки жизнедеятельности? – быстро спросил Кондратьев.

– Слабая энергетическая активность, – ответил техник, проверяя показания сканеров. – Корабль, похоже, находится в режиме минимального энергопотребления. Но он не выглядит повреждённым.

– Значит, есть шанс, что экипаж жив, – Орлов повернулся к Левину. – Вы говорили, что они отправились сюда пять лет назад. Могли они выжить всё это время?

– При наличии функционирующих систем жизнеобеспечения – да, – кивнул Левин. – У "Руси-1" были автономные гидропонные фермы и системы рециркуляции. Но вопрос не в том, могли ли они физически выжить, а в том, захотели ли остаться в человеческой форме.

– Что значит? – нахмурился Кондратьев.

– Врата, – просто ответил Левин. – Если они работали, экипаж мог выбрать путь Воронина и Соколовой – эволюцию за пределы физической формы.

Орлов задумчиво смотрел на кольцо.

– Посадка рядом с кораблём, – наконец решил он. – Сначала проверим его, попытаемся найти следы экипажа. Затем уже исследуем сами Врата.

– Есть площадка в пятидесяти метрах от корабля, – сообщил пилот. – Выглядит достаточно прочной для посадки.

– Действуйте, – кивнул Орлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.